

Вымирали ли лопары в досоветское время?

Иван УШАКОВ, краевед

До 70-х годов прошлого века такого вопроса ни у кого не возникало. Но с развитием капитализма на Крайний Север устремились любители легкой наживы. Началась колонизация Мурманского берега. Энергичные поселенцы стали оттеснять лопарей от устьев селуэжских рек. На Мурмане появилось много торговцев норвежским ромом — напитком, крайне вредным для здоровья (запрещенным для употребления в самой Норвегии). С Мурманга торгоши везли дявольское зелье в лопарские погосты, спаивали и обманывали лопарей.

Передовая русская общественность забила тревогу, требовала оградить жителей Лапландии от ромоторговцев. В марте 1886 года правительство запретило колонистам торговать спиртными напитками, но при слабом административном надзоре контрабандисты время от времени, под видом скупки пушнины и рыбы проникали в погосты и угощали лопарей русской водкой (которую колонистам разрешалось получать из Архангельска "для своего употребления").

Первым о судьбе лопарей высказался антрополог А. И. Кельсиев. Проезжая по лопарским погостам в 1877 году, он обратил внимание на то, что число детей в лопарских семьях почти не превышает число родителей. Учитывая значительную детскую смертность при полукочевом тундровом быте, Кельсиев сделал следующий вывод: "Племя лопарей ежегодно убывает... Главная причина их печального положения и вымирания есть нежелание перейти к оседлой жизни... Лопары претерпевают ужасные страдания, сидят иногда по полугодю без хлеба и соли на одной сушеной рыбе".

Исследователь промысловой жизни на Мурмане В. Л. Кушелев в 1885 году нарисовал самую мрачную картину быта лопарей, которые, по его мнению, быстро вымирают от болезней и пьянства. "Не пройдет и четверти века, — писал Кушелев, — как племя лопарей, в силу сложившихся обстоятельств, будет принадлежать к числу вымерших племен".

Этнограф Н. Н. Харузин, главный исследователь быта российских лопарей, спустя десять лет после Кельсиева обратился к материалам метрических книг, содержащих фактические сведения о рождаемости и смертности лопарей. На основании достоверных (хотя и частичных) данных ученый пришел к заключению: "Говорить о вымирании лопарей пока преждевременно", численность их, несмотря на неблагоприятные условия жизни, понемногу увеличивается, лопарское племя еще сохраняет жизненные силы, но они вымрут, если вскоре "не придет помощь извне", которая позволит лопарям "покинуть свой полукочевой быт... и перейти к полной оседлости... Остается лишь пожелать, чтобы эта помощь пришла скорее..."

В 1893 году по вопросу о судьбе малых северных народностей выступил в печати и на заседании Общества охранения народного здоровья профессор А. И. Якобий. Он посетил многие местности Крайнего Севера Европейской России и пришел к выводу — наступило время спасти инородческие племена от исчезновения. Аборигены Севера, по мнению Якобия, находились в "детской фазе своего культурного развития. Они отлично приспособлены к своей стране и, несмотря на то, вымирают медленно, год за годом, семья за семьей". Происходит это в силу наплыва "людей с идеалами рынка" — авантюристов, торговцев, промышленников, компаний и прочих, которые разоряют инородческую страну... хищническими приемами эксплуатации природных богатств — пушных зверей, рыбы, водяных и лесных птиц, пастбищ, лесов и прочего", которым "чужого добра не жалко" и которые на все смотрят "исключительно с рыночной точки зрения". Якобий призвал лучших людей русского общества стать на защиту обреченных на гибель аборигенов Севера и сам наметил "меры помощи" народностям Севера ("школы с интернатом для детей бедных инородческих семей, врачи со складами медикаментов" и т. д.).

Исследование Харузина не прояснило вопроса, вымирают ли лопары. Сам он заявил, что его цифровые выкладки, неполны и дают "довольно шаткое основание для составления какого бы то ни было вывода".

Архангельский губернатор А. П. Энгельгардт, располагавший обстоятельными сведениями, высказался предположительно: "Лопарское племя, по-видимому, вымирает или, лучше сказать, постепенно исчезает и смешивается с соседними племенами".

Вопрос о судьбе лопарей продолжал обсуждаться и в начале XX века. В печати выступил знаток Мурманга, ученый-зоолог Г. Ф. Гёбель. Надменный немец считал бессмысленным принимать какие-либо меры для спасения лопарей, которые обречены на гибель своим ходом развития цивилизации. "Способны ли они превратиться из кочующего, малокультурного племени в культурный оседлый народ или нет?" — вопрошал Гёбель и под свой ответ подводил "теоретическую основу". Несмотря на длительное общение с русским населением, лопарь ос-

тался "кочевником, совершенно неспособным к культуре" и потому подвержен "естественному закону, по которому все малоспособные к культуре охотничьи и кочевые племена, приходя в соприкосновение с культурными народами, исчезают с лица земли..."

Расистские рассуждения Гёбеля не нашли поддержки у русской общественности. "Это племя, — писал о российских лопарях социал-демократ А. С. Розанов в 1906 году, — далеко не безнадежно в смысле его жизнеспособности и приобретения к культуре". Он указывал на примере Норвегии где создали условия, позволявшие лопарям "приобщиться ко всему человечеству", и призывал: "Пора вступить на этот путь и нам". Довольно обоснованно высказал свое мнение о том, что "для русских лопарей не наступил еще процесс вымирания", И. Н. Шмаков, который долгое время работал врачом в Лапландии. Он собрал и обобщил сведения метрических книг за 111 лет и выявил устойчивое превышение рождаемости лопарей над их смертностью (2,9 процента в год). "Русские лопары, — писал Шмаков в 1909 году, — несмотря на суровые климатические условия, полукочевую жизнь, полную невзгод и лишений, имеют еще достаточно жизненных сил, чтобы, хотя медленно, расти и увеличиваться". Доктор Шмаков указал причины, снижающие темпы прироста лопарского населения. Это прежде всего высокая детская смертность (до 40 процентов лопарей умирало в возрасте до 10 лет) — следствие тяжелых условий жизни в тундре, а также ассимиляция, то есть переход в состав другого народа вследствие усвоения его культуры (языка, обычаев и т. п.). Метисация (вхождение в состав другого народа путем смешанных браков) большого значения не имела. За последние двадцать лет, отмечал Шмаков, был лишь один случай, когда "русская вышла замуж за богатого лопаря".

Оба процесса — и ассимиляция, и метисация — протекали стихийно. Лопары переходили в состав русского населения абсолютно добровольно, так же, как в Северной Скандинавии часть лопарей переходила в среду более культурного соседнего финского, шведского и норвежского населения.

В советское время обнаружилось стремление всячески чернить "проклятое прошлое" и восхвалять все, что нес стране новый, социалистический строй.

Наряду с серьезными исследованиями (В. К. Алымова, позднее А. А. и Т. А. Киселевых) появились низкопробные сочинения по истории лопарей. Широко бытовали предвзятые и поверхностные суждения. Так, в наиболее популярной (и неплохой!) книге Е. А. Двинина "Край, в котором мы живем" (1959 год) о лопарях говорилось: "Полудикие, полуголодные, лишенные света культуры, саами находились на грани вымирания... Великая Октябрьская социалистическая революция спасла саами Кольского полуострова от полного исчезновения". В партийной пропаганде и массовой печати жизнь лопарей при царизме изображалась не иначе как мученической. Первый секретарь Ловозерского райкома КПСС В. М. Гришин писал о лопарях: "Забытый и вымиравший в прошлом маленький самский народ". Почти так же отзывалась о лопарях Т. В. Лукьянченко в фундаментальном научном издании "Народы европейской части СССР": это "невежественный, отсталый, стоявший на грани вымирания народ" (1964 год).

Хотя в литературе последнего времени такие утверждения опровергнуты, они по привычке все еще имеют хождение среди определенного круга людей. Поэтому следует снова обратиться к дореволюционной судьбе лопарского народа.

Материалов для правильного суждения о том, вымирали ли лопары, сохранилось достаточно. Возьму данные трех наиболее тщательно проведенных переписей населения Кольского полуострова.

В 1608 году царский писец А. И. Михалков провел учет налогоплательщиков-лопарей. К ним относились взрослые мужчины — владельцы промысловых угодий. Из податного оклада не исключались и те, кто не мог заниматься лесной охотой, но являлся равноправным членом лопарского погоста (на Печенге — "Павлик Вастьянов сын увечен очима слеп"; в Мотке — "Мишка хромой"). В пределах Кольского полуострова Михалков записал в оклад 380 человек, живших в 140 вежах. С прибавлением женщин и детей это дает в сумме немногим более 1000 человек. Число лопарей, живших в русских селениях, монастырях — за пределами погостов, незначительно, и общей картины они не меняют (например, в Коле отмечены "Степашко Дементьев сын попин да сестра его лопка Иришка Ондреева дочь" из Муномашского погоста).

В 1782 году проводилась четвертая ревизия — подробная подворная перепись всех лопарей Кольского уезда. Она показала в погостах 1359 человек (243 семьи). Небольшое число лопарей жило в русских селениях. Общую численность лопарского населения можно определить в 1400 человек обоюбого пола, возможно, даже и немного больше.

(Окончание на 4-й стр.)

Вымирили ли лопари в досоветское время

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

28 января 1897 года в России проводилась всеобщая научная перепись жителей империи. В Кольском уезде оказалось 1724 этнических лопаря (по родному языку и происхождению), а великороссов — 5865 человек; всех постоянных жителей в уезде российского подданства — 9183 человека.

За шестнадцать последующих лет численность лопарей возросла на 29,7 процента и, по данным полицейского учета, составила к 1 января 1914 года 2236 человек.

Не вдаваясь в детали, отмечу то, что естественный прирост лопарского населения колебался в зависимости от войн, эпидемий и других неблагоприятных обстоятельств. Так, в 1611 году шведы перебили и захватили часть лопарей, живших по реке Туломе. "Под Кольский острог, — говорится в источнике, — свейские немцы приходили войною и лучших многих лопарей побили и в полон побрали и в полону померли". В 1655 году 115 наиболее крепких лопарей из 11 погостов взяли на Литовскую

войну, на которой большинство их погибло, — для небольшого народа очень чувствительная потеря. Немало жизней унесла эпидемия тифа в 1858 году.

Несмотря на колебания, в исторической перспективе за три столетия — с начала XVII века и до первой мировой войны — виден неуклонный рост численности лопарей.

Большой разницы в рождаемости и смертности между русскими жителями края и лопарями не наблюдалось. Так, в возрасте до одного года у терских поморов умирало 3,3 процента детей, у лопарей — 3,4 процента.

Лопари в результате многовекового проживания на Крайнем Севере отлично приспособились к заполярной природной среде. Они достигли немалых успехов в экономике и культуре, сохранили родной язык, самобытный эпос и свой особый уклад жизни.

Российские лопари показали удивительную жизнестойкость и бодрость духа. В свете приведенных фактов утверждения о вымирании лопарей в досоветское время совершенно несостоятельны.